

Как я люблю ночь! Когда все домашние уже заснули, и ты предоставлена сама себе. Кажется, можно делать всё, что угодно, главное, никого не разбудить. Город засыпает, начинается жизнь. Как и большинство людей, утром я вынуждена вставать и куда-то идти. В моём случае — в институт. Поэтому ночью я сплю. Но иногда я позволяю себе оторваться. И сегодня — именно такой день. Рюкзак уже собран. Родители легли час назад, но для надёжности лучше выждать. Поэтому коротаю время за книжкой, время от времени поглядывая за окно, наблюдая, как шевелятся во тьме тени. Облака сегодня бегут по небу, как сумасшедшие. Слышно ветер. Наконец на часах два часа ночи. Смс: «Сегодня встречаемся?» «Да. « Беру рюкзак, подкрадываюсь к двери. За стенкой храпят родители. Обуваюсь, стараюсь не шуметь. Щелчок: открываю дверь. Храп затихает, и я выжидаю, пока он не наберёт прежнюю силу. И только потом выхожу. Выжидаю ещё немного. Закрываю дверь. Щелчок. Ещё жду. Закрываю дверь ключом. Свобода! Выбегаю из подъезда. Ветер впивается мне поцелуем в губы, ерошит мои волнистые каштановые волосы, и я улыбаюсь ему, как старому знакомому.

Сейчас всё кажется немного другим, неизвестным. Углы мягче, тьма скрывает недостатки, улица выглядит совершенной. Лёгкое чувство опасности возбуждает. Кто знает, что может встретиться в ночи? Моя тень при свете фонаря выглядит очень длинной. Мимо пробегают кошка, и я вздрагиваю. Бубенцы на запястьях звенят в такт шагам. Я улыбаюсь. Иду быстрее и быстрее. Случайный прохожий испуганно оборачивается, услышав мой стремительный шаг за спиной и заметно расслабляется: всего лишь хрупкая девушка, длинная юбка, длинные волосы... Кричит птица. Где-то недалеко визжат тормоза. В каждом доме горит по несколько окон. «В огромном городе моём — ночь... « — чуть слышно напеваю я под аккомпанемент ветра. Звон браслетов попадает в ритм.

Мы замечаем друг друга издалека, и я бегу ему навстречу, улыбаясь так, что болят щёки. Не останавливаюсь, а просто врезаюсь в широкую грудь, влетаю в крепкие объятия, и губы находят губы. Что-то сладко вздрагивает внутри, пока мы таем от поцелуев. Прежде чем отстраниться, мы успеваем вновь распробовать рот друг друга на вкус. Кажется, недавно он пил кофе. Жадно я целую мочки его ушей.

— Как я рад, что ты пришла!

— А я-то, я как рада! — наконец отстраняемся друг от друга, искорки танцуют в глазах.

Отходим друг от друга на полшага, чтоб оглядеть, осмотреть, огладить взглядом каждую чётточку, отметить перемены во внешнем виде.

— Ты потрясающе выглядишь. — говорит он мне, и от звука его голоса по спине у меня пробегают мурашки. Так мог бы говорить кот, превратись он в человека, чтоб похищать сердца и сводить с ума влюбчивых барышень. Я шутливо кручусь вокруг своей оси, позволяя ему осмотреть себя получше.

— Всё для тебя.

— Так уж и всё?

— Всё...

И мы вновь сплетаемся в объятиях, его язык неторопливо изучает мой рот, и я стараюсь прижаться к нему как можно теснее, чтобы ощутить низом живота его напряжённый член. Наши тела отделяет друг от друга только наша одежда. Его рука приподнимает мою ягодицу,

я зарываюсь носом в облако его волос, вырисовывая узоры на спине. Дыхание становится тяжёлым, сознание плывёт...

— Побежали! — шепчет он мне в ухо, и мы бежим изо всех ног, держась за руки, я отстаю, лёгкие горят... Наконец мы останавливаемся, и, уперев руки в колени, стараемся отдышаться. Переглядываемся — и вдруг на нас нападает приступ смеха, ни с того ни с сего, просто так, от радости. Стая ворон снимается с ближайшего дерева и улетает прочь.

— Давай я понесу, — тянется он к рюкзаку.

— Ты хочешь ограбить меня в ночи?

— Я просто хочу тебя в ночи. А ещё я хочу тебе помочь.

— Ты хочешь помочь мне, отняв у меня моё имущество!

— Да, люблю, знаешь ли, отнимать у прекрасных барышень вещи, особенно в тёмной подворотне. Кстати, недавно ты говорила, что всё — для меня, а теперь какую-то торбу жалеешь.

После шутовой борьбы мой рюкзак переключивается ему за спину, и мы продолжаем путь, моя рука — в его. Тени ластятся к нашим ногам. Мир вокруг пронзительно прекрасен.

— Кстати, где мы?

— А какая разница?

— Действительно, никакой.

— А, я знаю. Видишь, мы выходим к парку. Парк кажется сплошным массивом мрака.

Фонарей здесь нет.

— А давай — туда?

— Хм, ты хочешь погрузиться в самую тёмную чашу? Войти в самую тьму?

— О да...

Мы идём осторожно, подсвечивая дорогу фонариком. Оба знаем эту местность, но всё же хочется видеть, куда ступаешь. Наконец мы выходим к одному из наших любимых мест: старой скамейке, спрятанной позади величественной ротонды с одной стороны и скрытой кустами сирени с другой.

— Хочешь глинтвейн? Это его ты нёс всю дорогу.

— Я пьян от твоей близости, — приобнимает он меня, — а ты хочешь напоить меня ещё больше? Коварная!

Но я не могу ничего ответить, потому что он затыкает мне рот поцелуем, его рука забралась под юбку и мнёт мне вульву. Я не могу ничего ответить, потому что слова покинули меня, и всё, что я могу — это стонать от удовольствия. Всё, что я могу — это растворяться в его запахе, пока скамейка впивается мне в спину. Всё что я могу — это торопливо скинуть одежду, уменьшая количество преград между нами, непослушными руками расстёгивать его джинсы, пока он играет с моими сосками, покручивая и пощипывая их так, как я люблю. Делать ему минет, стоя на коленях на земле, и совершенно не бояться запачкать ни колени, ни юбку, потому что ну и к чёрту их, всё, что имеет сейчас значение — это заставить его стонать от удовольствия.

— Ааах... — в тот момент, когда я ласкаю уздечку, мелко-мелко двигая языком, а большая часть члена находится у меня во рту.

— Ааа... — в тот момент, когда заглатываю целиком, продолжая ласки.

— Ооох... — в тот момент, когда действительно сосу, создавая вакуум во рту.

— Оу... — Когда рисую восьмёрку кончиком языка на его головке.

— Ааа... — Когда он изливается мне в рот, вцепившись пальцами в плечи. Выпиваю сперму до капли и поднимаюсь. Он благодарно целует мои усталые губы.

— Кажется, ты хотела глинтвейн?

— Хотела... — я понимаю, что действительно очень хочу пить. Он наливает вино в чашку из термоса и подаёт мне. Это смотрится комично: нагота и спущенные до лодыжек джинсы. Видимо, уже светает, если я смогла его увидеть: когда входили, двигались чуть ли не на ощупь.

— А ты?

— Позже. — он опускается на колени, пальцами и языком лаская складки половых губ. Я двигаюсь ему навстречу, волна наслаждения накрывает меня с головой. Он целует мой клитор и ласкает пальцем мою вагину, очень быстро, я бы так не смогла. Я делаю глоток, ещё и ещё. Пряно. Терпко. Ставлю чашку на траву, чтобы не уронить, потому что тело выгибается в оргазме, и в этом момент его член входит в меня, и меня накрывает второй волной от чувства наполненности. Останавливаются мысли. В неистовстве двигаюсь навстречу, стараясь ощутить его как можно глубже. Сжимаю пальцами его ягодицу. Как же хорошо... Легонько прикусываю его плечо. Всё быстрее и быстрее... Извиваюсь под его телом, стараясь коснуться этого мужчину всей собой, как можно большей площадью кожи... Глажу руками спину, ногами обнимаю поясницу, пока член внутри меня делает что-то невозможное, немислимое с моим телом, задевая те самые точки... Он кончает мне на живот, и я втираю сперму в кожу, пока она не становится незаметна. Уже рассвело. Птицы поют, как сумасшедшие. Допиваем глинтвейн и расходимся: мне уже пора в институт. Иду по улице и улыбаюсь. Губы припухли от поцелуев и слегка саднят.